

Хэ Цяньсяо поначалу планировал лишь одно — сбежать до того, как наступит момент его казни, прописанной в сюжете. Однако постепенно его мысли склонились к тому, чтобы сначала следовать за ходом событий, попутно подыскивая себе пути к отступлению.

Разумеется, следовать сюжету он собирался не слишком прилежно. Раз уж историю можно изменить, почему бы не приложить усилия? Вдруг, шаг за шагом, удастся полностью переломить предначертанное. С такими мыслями Хэ Цяньсяо начал пробовать налаживать контакты с окружающими.

Среди прочих он выделил одну фигуру, которую считал самой важной и способной помочь ему выбраться из смертельной ловушки — Янь Гуя. Даже император опасался его, что говорило о колоссальной власти, сосредоточенной в руках Янь Гуя. Она позволяла ему не только чувствовать себя как рыба в воде на поле боя, но и виртуозно лавировать в придворных интригах.

Хэ Цяньсяо подумал: Шансы на выживание есть.

Поскольку почти все главные герои вращались при дворе, Хэ Цяньсяо недавно возобновил посещение утренних аудиенций. Вел он себя там крайне небрежно: просто стоял в стороне, подавая голос лишь тогда, когда император обращался к нему лично. Если же его не трогали, он мог простоять в прострации до самого конца собрания.

Первым, кто заметил его отстраненность, был Янь Гуй. Военачальники стояли отдельной группой, довольно близко к принцам, так что, стоило лишь бросить взгляд в сторону, как можно было увидеть всё — Янь Гуй, естественно, не упустил из виду, как Хэ Цяньсяо клюет носом.

Вскоре это заметил и Хэ Цзычэнь. Неизвестно почему, но после того, как Хэ Цяньсяо добился заточения императрицы, Хэ Цзычэнь, по логике, должен был возненавидеть его еще сильнее. Однако в последнее время он не только перестал чинить препятствия, но и начал проявлять к нему небывалую заботу.

Да, именно заботу. Возможно, как и говорил Хэ Цзычэнь ранее, раньше он считал Хэ Цяньсяо никчемным дураком и презирал его за это. Теперь же, когда Хэ Цяньсяо перестал быть пустым местом, у него выработался иной подход.

Однажды, когда Хэ Цяньсяо, задремав, едва не завалился набок, он почувствовал, как его в полудреме кто-то дернул за рукав. Открыв глаза, он увидел руку Хэ Цзычэня, которую тот как раз отдергивал.

Хэ Цяньсяо подумал: Всё, пропал, наследный принц сошел с ума.

Наследный принц, безусловно, с ума не сошел. Более того, на аудиенциях он держался уверенно, вел себя безупречно, создавая разительный контраст с простодушным Хэ Цяньсяо. В

то время как Хэ Цяньсяо уже начал проявлять свой характер, Хэ Цзычэнь, напротив, становился всё более сдержанным, чтобы не дать императору ни единого повода усомниться в себе. Он был куда умнее своей матери-императрицы и обладал куда более тонким расчетом.

Хэ Цяньсяо не считал его врагом: во-первых, не Хэ Цзычэнь стоял за историей с порошком холодной пищи, и нападать на него не было нужды; во-вторых, трон императора его не интересовал, а значит, конфликта интересов между ними не было. Хэ Цзычэнь, очевидно, понимал это, поэтому до сих пор лишь держал его на прицеле, но не переходил к активным действиям.

Тем не менее, сон как рукой сняло.

Император в последние дни не вызывал его к себе, но на аудиенциях смотрел на него с явным чувством вины. С точки зрения правителя, отказ Хэ Цяньсяо от борьбы за престол был благом для стабильности государства — императору не хотелось видеть, как его сыновья грызут друг друга глотки. Но к матери Хэ Цяньсяо император и сам испытывал вину, и теперь, видя, как ее сын вынужден притворяться слабым ради выживания, он не мог не чувствовать боли.

Для наложницы отсутствие могущественного клана за спиной — беда, но для принца отсутствие поддержки влиятельных родственников — тем более. Хэ Цяньсяо же сейчас как раз и нужна была эта вина императора. Милость — вещь временная, ее можно отозвать в любой момент, но вина может спасти жизнь в самый критический час.

Ближе к концу утренней аудиенции наконец прозвучало имя главного героя. На границе назревал конфликт, а война — дело затратное и разорительное для народа, поэтому, если не было крайней необходимости, император старался ее избегать. Однако государство Минь вело себя дерзко, раз за разом нарушая договоренности и находя предлоги для провокаций на границах государства Хэ. Хотя это были лишь мелкие пакости, не наносившие существенного урона, император был обеспокоен и уже много дней не находил себе места.

Наследный принц предложил кандидатуру, которая могла бы разрешить насущную проблему. Этим человеком был Хуа Минчэн. Как именно принц вышел на него, в оригинале подробно не описывалось — Хэ Цяньсяо называл это «сценарием главного героя».

Миссия была крайне важной. Если отправить кого-то красноречивого, можно было убедить миньцев отступить, но если нет — ситуация лишь обострится, приведя к полномасштабной войне, и тогда виновник понесет тяжкое наказание. В конечном итоге было решено, что Хэ Цзычэнь отправится туда лично.

В этот момент один из старых сановников произнес:

— Ваше Величество, полагаю, раз принц направляется к границе, для предотвращения возможных выходов со стороны Минь, стоит взять с собой их заложника.

В такие моменты роль заложника проявлялась особенно ярко. По сути, он был лишь живым

щитом.

Другой сановник поднялся и возразил:

— Нельзя, никак нельзя! Если взять с собой заложника, разве не потребуется еще больше охраны?

Кто-то другой вставил:

— А если не брать заложника, принцу охрана не потребуется?

— Резонно.

— Ваше Величество, полагаю, путь предстоит долгий и опасный. Нужно обеспечить безопасность как наследного принца, так и заложника. Генерал Янь обладает богатым опытом ведения сражений, пусть он отправится вместе с ними.

Хэ Цяньсяо счел этот довод разумным. Император дал добро.

В одно мгновение, казалось, весь дворец опустел. Хэ Цяньсяо, стоя в стороне и наблюдая за суетой, еще не осознавал, что значит отъезд главных действующих лиц. Но когда взгляд императора упал на него, он замер:

— Шестой, раз твой старший брат едет, отправляйся и ты, наберешься опыта.

Хэ Цяньсяо услышал, как кто-то рядом тихо усмехнулся. Он узнал этот голос — Янь Гуй.

После того как приказы были отданы, все вышли из зала. Хэ Цяньсяо не успел отойти далеко, как его окликнул Хэ Цзычэнь. Он видел, как мимо него прошел Янь Гуй с таким невозмутимым видом, будто это не он только что смеялся. Как только Янь Гуй скрылся, взгляд Хэ Цяньсяо переместился на лицо наследного принца.

Хэ Цзычэнь с полуулыбкой произнес:

— Генерал Янь — не тот, кого ты сможешь переманить на свою сторону. Советую тебе поменьше тратить на него сил.

Маски были сброшены. Хэ Цяньсяо тоже решил не притворяться:

— С чего ты взял, что я пытаюсь его переманить?

— О? Не собираешься? — Хэ Цзычэнь усмехнулся. — Хотя ты куда менее прост, чем кажешься, раз ты так говоришь, я поверю тебе на этот раз.

Хэ Цяньсяо ответил:

— Раз у старшего брата больше нет дел, я откланяюсь.

— Кто сказал, что нет дел? — возразил Хэ Цзычэнь. — Я вспомнил про того большого бумажного змея, о котором ты говорил на днях, и тоже хочу взглянуть. Я провожу тебя до дворца.

Хэ Цяньсяо подумал: Он же просто выдумал это. Где он возьмет Хэ Цзычэню змея?

Видя, что принц намерен идти с ним, и не зная, что у того на уме, Хэ Цяньсяо выпалил:

— Змей сломался.

Хэ Цзычэнь нашелся:

— Тогда выпьем чаю.

Хэ Цяньсяо:

— Не получится.

Хэ Цзычэнь:

— ...

Заметив, как лицо принца медленно мрачнеет, Хэ Цяньсяо поспешил исправиться:

— У меня во дворце остался только прошлогодний старый чай, он почти весь заплесневел, я никак не могу угостить им старшего брата.

Хэ Цзычэнь с натянутой улыбкой ответил:

— Вот как? Ну, тогда не стоит.

Хэ Цяньсяо с облегчением выдохнул.

Наконец избавившись от Хэ Цзычэня, он вернулся во дворец. Юань Юань, крадучись, подошел к нему и прошептал:

— Ваше Высочество, мы скоро уезжаем. Сегодня праздник фонарей, на рынках за пределами дворца так шумно и нарядно! Может, сходим посмотреть?

Раньше Юань Юань ни за что не посмел бы подговаривать его на такое. Но с тех пор как Хэ Цяньсяо поручил ему те дела, Юань Юань стал смелее и даже сам вызвался сопровождать его в поездке. По логике, евнух мог ехать, а мог и остаться. Если отношения с хозяином хорошие, а ехать не хочется, можно было договориться. Но Хэ Цяньсяо, как он знал, точно не отказал бы. И все же, когда он спросил, Юань Юань опустился на колени и сказал, что хочет сопровождать его. Вдвоем им было бы вполне удобно.

Хэ Цяньсяо не особо интересовался праздником, он просто хотел выбраться наружу. В конце концов, после попадания в этот мир он несколько дней жил как на иголках, а потом его сразу

дернули на задание — он был измотан. Поэтому они с Юань Юанем ускользнули из дворца.

Вид города привел Хэ Цяньсяо в восторг. Государство Хэ, сильное и могущественное, было величайшей страной в оригинальном сюжете, процветающей империей. И это процветание должно было лишь усилиться, когда Хэ Цзычэнь взойдет на престол, расширяя границы Великой Хэ. Хэ Цзычэнь станет хорошим императором. Он отменит обычай нынешнего правителя отдавать предпочтение гражданским чиновникам перед военными, позже дарует Янь Гую титул, снизит налоги, и народ будет жить в достатке, восхваляя его. Сейчас город уже был так богат, что картины будущего казались почти невообразимыми.

Хэ Цяньсяо давно не чувствовал себя так легко. В нем проснулся азарт, и из-за толпы на рынке он постепенно отбился от Юань Юаня, даже не заметив этого, будучи полностью поглощенным созерцанием прекрасных фонарей.

Бродя по улицам, он наткнулся на шумное место. Вокруг толпились люди, выкрикивая что-то. Подойдя ближе, Хэ Цяньсяо увидел группу девушек, которые прикрывали лица веерами и хихикали, а в центре стоял молодой человек, опустив голову, из-за чего лица его было не разглядеть.

Кто-то из толпы подначивал:

— Праздник фонарей — день, когда наши девушки признаются в чувствах юношам. Если приглянулся кто — пиши на фонаре и зови его зажечь его. Ты хоть и не из нашей страны, но лицом пригож, как девица, ничем не хуже. Кого присмотрел — пиши, не стесняйся!

За этим последовал дружный злорадный смех. Хэ Цяньсяо наконец понял, что происходит — просто издеваются над человеком. И, кажется, он даже узнал этого несчастного. Это Гу Юэцин? Воистину, куда бы он ни пошел, покоя не видеть.

Хэ Цяньсяо хотел было тихо уйти, пока его не заметили, но насмешки становились всё более грубыми — кто-то даже толкнул Гу Юэциня.

— Пиши, ну же, чего застыл!

В глазах Гу Юэциня блеснули слезы, взгляд был полон ярости, а в выражении лица сквозила такая глубокая тьма, что Хэ Цяньсяо, прекрасно зная, что этот человек — далеко не добряк, мысленно посочувствовал смельчаку, который его толкнул.

Видя такую реакцию Гу Юэциня, окружающие мужчины замялись.

— Не хочешь писать — не надо. Сегодня такой вечер, как насчет того, чтобы выбрать кого-то из нас и провести ночь в опочивальне? Это будет наш союз с государством Минь, даже принцессу присылать не придется! — мужчина рассмеялся, и остальные подхватили.

Ситуация становилась всё более абсурдной. Хэ Цяньсяо нахмурился, чувствуя неприятный

осадок. У того, что Гу Юэцинъ встал на путь зла, были причины. В такой среде любой человек, даже не будь он злодеем, рисковал сойти с ума.

Хэ Цяньсяо решил было еще немного понаблюдать, но тут заметил, что Юань Юаня рядом нет. Он огляделся — и в этот самый момент Гу Юэцинъ поднял голову и встретился с ним взглядом.

Их глаза скрестились — теперь они могли рассмотреть друг друга в полной мере. В прошлый раз занавесь скрывала лицо, всё было смутным, как цветы в тумане, но теперь, лицом к лицу, глаза Гу Юэцинъ слегка расширились.

Шестой принц... как он здесь оказался?

Сегодня Хэ Цяньсяо был одет в самую обычную одежду, но выглядел при этом удивительно чисто и благородно. Стоя посреди толпы, он выделялся так, что забыть его лицо было невозможно. Гу Юэцинъ опустил глаза, в смятении думая о том, как долго тот уже здесь стоит? И каждый раз, когда они встречаются, он видит его в таком унижительном положении.

Хэ Цяньсяо, узнай он мысли Гу Юэцинъ, лишь тяжело вздохнул бы. Он и сам хотел бы знать, почему каждый раз оказывается в центре подобных событий. Винить можно было лишь автора, который упорно подсовывал Гу Юэциню такие сюжеты.

Поняв, что его заметили, Хэ Цяньсяо не стал убегать, решив остаться и посмотреть представление. Не то чтобы он не хотел помочь, но Гу Юэцинъ был крайне коварным человеком — даже когда оригинал относился к нему хорошо, тот в конце концов просто стоял в стороне, наблюдая за его гибелью. Был ли нынешний Гу Юэцинъ добрым или злым — пока неясно, и Хэ Цяньсяо не считал себя настолько сердобольным, чтобы бросаться на помощь без разведки.

Гу Юэцинъ, заметив его, не стал привлекать внимания, лишь еще ниже склонил голову, всё больше входя в роль жертвы. Сейчас отношения между Минь и Великой Хэ были напряженными, и его положение здесь было незавидным. Даже будь он способен перебить всех этих мелких хулиганов, он не мог себе этого позволить — каждый его шаг влиял на судьбу его страны.

Но внешнее смирение не означало бездействия. Его взгляд был прикован к тому, кто предлагал ему «разделить опочивальню», и он навсегда запечатлел лицо этого человека в своей памяти.

В этот момент Хэ Цяньсяо обо что-то споткнулся, и его толкнули прямо в центр круга.

— А то я смотрю, на лицо господина Гу уже тошно смотреть, — проговорил кто-то. — А этот юноша — новенький, свежий, как молодой росток, такой нежный!

Эта компания привыкла издеваться над слабыми. Заметив Хэ Цяньсяо в тот момент, когда он

появился, они, видя, что Гу Юэцинь молчит, переключили внимание на него. В прошлый раз, когда Хэ Цяньсяо выходил в город, его лицо разглядели лишь немногие, остальные почтительно опускали головы. Поэтому даже те, кто был рядом тогда, не обязательно узнали бы его сейчас.

Хэ Цяньсяо подумал: «Не стоило лезть смотреть на чужие беды, карма всегда настигает быстро».

После того как его вытолкнули, главарь, задиравший Гу Юэциня, перевел взгляд на него. Его глаза загорелись, он сделал два шага к Хэ Цяньсяо и, изображая угрозу, спросил:

— Откуда ты взялся? Я знаю всех красавцев в этой столице, почему я не видел тебя? Ты не шпион из другой страны, часом?

Хэ Цяньсяо невозмутимо ответил:

— Раз ты знаешь, что этот господин — миньец, значит, должен знать и то, что он — почетный гость нашего государства, заложник. А ты так оскорбляешь гостя Великой Хэ... за это ведь и в тюрьму попасть можно!

Главарь презрительно рассмеялся:

— Оскорбляю — и что? В тюрьму? У его резиденции даже слуг нет, стража неизвестно где прохлаждается, нашему государству давно плевать на него! Какой еще почетный гость? Ты, паренек, не шутишь?

Хэ Цяньсяо лишь улыбнулся в ответ:

— Раз так, то и ты, и стража — все подлежите наказанию.

Главарь расхохотался:

— Ты, мелочь, такие дерзости говоришь, даже забавно.

Хэ Цяньсяо не стал спорить, глядя на него с полуулыбкой. Главарь, не подозревая об опасности, решил распустить руки и потянулся к поясу Хэ Цяньсяо:

— Лапочка, я дожил до таких лет, но еще не видел никого прекраснее тебя. Скажи-ка мне, откуда ты...

Он не договорил. Хэ Цяньсяо лишь мельком взглянул на его протянутую руку. Гу Юэцинь крепко перехватил ее, в его глазах вспыхнул такой яростный огонь, что главарь, собираясь было обругать его, вдруг осекся от охватившего его ужаса. Он задрожал, забыв все слова.

Гу Юэцинь наклонился к нему. Они стояли так близко, что Хэ Цяньсяо расслышал его шепот:

— Если хочешь еще увидеть свою мать, советую вести себя тихо. Иначе сегодня ночью я тебя убью.

Хэ Цяньсяо сделал вид, что ничего не слышит, глядя в пустоту. Гу Юэцинъ разжал руку, и главарь повалился на землю, испуганно указывая на него:

— Ты... ты!

Гу Юэцинъ склонил голову набок, в его глазах всё еще блестели невысохшие слезы:

— Что я?

Главарь не посмел произнести ни слова. Под озадаченными взглядами толпы он вскочил и в панике закричал:

— Ты, ублюдок, ты чужак! Он только что угрожал...

— Ваше Высочество Шестой принц! — раздался резкий голос Юань Юаня.

Этот голос невозможно было спутать ни с чьим, сразу было понятно, что кричит евнух. Хэ Цяньсяо лениво махнул рукой:

— Я здесь.

Юань Юань растолкал толпу и подбежал к Хэ Цяньсяо. Увидев, что его господина обижают, он, будучи человеком сообразительным, сразу опустился на колени, чтобы подтвердить статус:

— Как вы могли оказаться здесь одни? Если бы с вами что-то случилось, я бы не смыл свою вину даже смертью!

Главарь онемел. Все, кто только что задирали их или глазел по сторонам, замерли, словно лишились языка. В государстве Хэ власть была сосредоточена в руках императора, который даровал народу сытую жизнь, а народ в ответ оказывал императорскому дому безграничное уважение. Обычные люди не смели оскорблять даже мелких чиновников, не говоря уже о членах семьи правителя.

Толпа начала волноваться, грозя перерасти в беспорядки. В этот момент кто-то крепко схватил Хэ Цяньсяо за рукав, и, прежде чем он успел что-то понять, его потапили прочь.

Толпа взревела, а Хэ Цяньсяо услышал тихий голос Гу Юэцинъ:

— Ваше Высочество, если не бежать сейчас, то когда?

Хэ Цяньсяо, сбитый с толку, почувствовал, как холодный ветер обдувает его уши. Юань Юань кричал далеко позади:

— Ваше Высочество! Подождите раба!

Они пробежали квартала два, прежде чем остановиться. Хэ Цяньсяо знал, что сейчас у Гу Юэциня нет намерения его убивать, поэтому, остановившись, он, тяжело дыша, оперся о стену, стоя к нему спиной. Юань Юань, задыхаясь, пробормотал:

— Д-дерзкие!

Гу Юэцинъ же дышал ровно, продолжая разыгрывать роль жертвы, и даже опустился перед Хэ Цяньсяо на колени:

— Благодарю Ваше Высочество за спасение.

Хэ Цяньсяо повернулся, его губы были ярко-красными, а лицо покраснелось от бега. Он слегка нахмурился, выглядя даже более хрупким, чем сам Гу Юэцинъ. Вздохнув, он приоткрыл зубы, а затем плотно сжал их, пребывая в некотором недоумении. Гу Юэцинъ смотрел на него некоторое время глубоким, пронзительным взглядом, после чего кротко склонил голову.

Хэ Цяньсяо выровнял дыхание:

— Не стоит, не стоит. Я тебя не спасал, вставай скорее.

Гу Юэцинъ медленно поднялся, не отрывая взгляда от лица Хэ Цяньсяо. Тот почувствовал, как по спине пробежал холодок:

— У меня еще есть дела, прощай.

<http://bllate.org/book/18613/1792093>